

Райнхардт Р. О. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996—2016 годов / Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 385—401. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401.

Reinhardt, R. O. (2020). Evolution of the Conceptual Foundations of Russian Scientific Diplomacy 1996—2016. *Nauchnyi dialog*, 3: 385-401. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401. (In Russ.).

УДК 001.38“1996/2016”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ 1996—2016 ГОДОВ¹

© Райнхардт Роман Отмарович (2020), orcid.org/0000-0002-0890-8844, кандидат экономических наук, доцент кафедры дипломатии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), don.reinhardt@mail.ru.

Рассматривается процесс изменения концептуальных основ российской научной дипломатии как инструмента внешней политики и одной из форм международного научно-технического сотрудничества на временном отрезке протяженностью в двадцать лет, хронологические границы которого определяются принятием ключевых стратегических документов в рассматриваемой области. На основе анализа нормативно-правовой базы сформирована выборка доктринальных источников, относящихся к международным аспектам государственной научной политики. Посредством их анализа и параллельного сопоставления с Концепциями внешней политики РФ 1993, 2000, 2008, 2013 и 2016 годов выявлены ключевые трансформации восприятия и видения научной дипломатии лицами, принимающими решения в исследуемой сфере. По итогам систематизации ориентиров и ценностных установок, отраженных в соответствующих политико-определяющих документах, проведена периодизация становления научной дипломатии с выделением двух этапов. Для первого (1996 — середина 2000-х годов) характерен переход от либеральной парадигмы к реалистской, определенная политизация, постановка во главу угла национальных интересов. Второму этапу (середина 2000-х — 2016 годам) присуща переориентация на экономическое измерение международного научно-технического сотрудничества при четком формировании научной дипломатии как концепта в его современном виде. Показано, что данная эволюция протекала сравнительно плавно в русле объективных изменений международной обстановки, позиций России на мировой арене, а также корректировок ее внешнеполитического курса. Наряду с этим выявлена и очерчена роль Е. М. Примакова как одного из идейных основоположников современной российской научной дипломатии.

Ключевые слова: научная дипломатия; научная политика; Концепция внешней политики России; международное научно-техническое сотрудничество; Е. М. Примаков.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 18-78-10123.

1. Введение

В современных условиях научная дипломатия предстает одним из важных направлений внешней политики государств, а также инструментом международного научно-технического сотрудничества (далее — МНТС). Ее выделение как предмета науковедческих исследований отражает тот факт, что в области международных отношений сложилось направление деятельности, отличительным признаком которого выступает неразрывное переплетение научно-исследовательских и дипломатических практик. Научная разработка этого предмета началась сравнительно недавно: ведущие исследователи, представляющие данное направление, сходятся в том, что научная дипломатия как особый комплекс практик — это феномен XXI века [Ruffini, 2017]. При этом признается, что отдельные практики, которые включаются в этот комплекс, находили применение и в прошлом, и главную роль в данном исследовательском направлении играют исторические изыскания, цель которых — продемонстрировать, каким образом известные дипломатические и научные мероприятия образовали этот новый вид деятельности, прояснить, каков генезис данного феномена.

Возрастание роли научной дипломатии в российской, равно как и в зарубежной внешней политике, а также миро-политических процессах в целом, три ключевых направления, выделяемых исследователями научной дипломатии в рамках данной категории: «наука в дипломатии» (выработка рекомендаций при разработке внешнеполитического курса), «дипломатия для науки» (упрощение процесса международного научного сотрудничества) и «наука для дипломатии» (использование научных альянсов в целях улучшения двусторонних и многосторонних отношений между государствами) — нашли описание в нашей предыдущей работе [Райнхардт, 2019].

Избранная тематика представляется особенно актуальной с учетом того, что в Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, одобренной Правительством 08.02.2019 года [Концепция МНТС, 2019], научная дипломатия выделяется в качестве особой формы МНТС, которую следует активно развивать для решения стоящих перед страной внешнеполитических задач и ответа на так называемые Большие вызовы. Под последними авторы Концепции понимают «объективно требующую реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов» [Там же]. При этом в документе не указано, какой вид могут принимать вызовы. Следовательно, научная дипломатия, выражаясь простым языком, призвана бороться с чем-то большим, абстрактным

и страшным. Что же касается самой ее трактовки, то в тексте документа акцент делается на втором и третьем треках (упрощение МНТС и использование научных альянсов в целях улучшения межгосударственных отношений). Присутствуют конструктивные предложения: активизация работы атташе по науке при посольствах РФ и сотрудников, занимающихся профильной деятельностью в зарубежных представительствах Россотрудничества, создание института «послов российской науки», открытие представительств РАН и иных ведущих научных организаций за рубежом, работа с российской научной диаспорой, молодежные программы и др. В целом следует отметить, что термин *научная дипломатия*, определение которого впервые дается в такого рода документе, встречается в нем 13 раз.

Для сравнения: в предыдущей Концепции государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества, одобренной Правительством 20.01.2000 года [Концепция МНТС, 2000], данное словосочетание не фигурирует вовсе. В то же время было бы некорректно утверждать, будто соответствующий феномен возник на пустом месте и только в последние годы. Пусть и не обозначаемая в качестве таковой (*ante litteram*), научная дипломатия существовала и ранее, являя собой, помимо прочего, один из механизмов проведения государственной научной политики. Рассматривая явление именно под таким ракурсом, мы считаем целесообразным исследовать эволюцию ее концептуальных основ. Исследовательский вопрос сводится к тому, каким образом трансформировалась идейная подоплека научной дипломатии в восприятии государства как основного проводника научной политики. Другими словами, интерес представляет путь, который прошла «научная дипломатия» до того, как приобрести вид и образ, отраженный в Концепции 2019 года. Несмотря на наличие работ по данной проблематике (см.: [Райнхардт, 2019; Панченко и др., 2017]), именно такая постановка вопроса до сих пор не находила отражение ни в отечественном, ни тем более в зарубежном научном дискурсе, что определяет новизну настоящего исследования.

2. Принципы составления выборки и методология анализа источников

В качестве временных рамок были выбраны 1996—2016 годы, исходя из того, что эти границы соответствуют датам принятия первого и хронологически последнего политико-определяющих документов в области научной политики, в которых непосредственно затрагивается тематика МНТС и научной дипломатии. Отличие всех такого рода нормативно-правовых актов, исследуемых ниже, от Концепции 2019 года состоит в том, что они

были утверждены на уровне Президента или Правительства, в то время как Концепция была одобрена Правительством, что подразумевает ее по-прежнему индикативный, а не императивный характер.

По итогам анализа нормативно-правовой базы были выбраны семь ключевых программных документов, носящих стратегический характер с точки зрения государственной научной политики. Был проведен их экзегетический анализ, объектом которого выступали научно-дипломатические аспекты МНТС России. Результаты такого анализа были сопоставлены с историческим контекстом эволюции доктринальных основ внешней политики как таковой, отраженных в Концепциях внешней политики России (1993, 2000, 2008, 2013, 2016 годов). Таким образом, было произведено «наложение» трансформации доктрин научной политики в части, касающейся ее международных аспектов, и концептуальных изменений внешней политики. Подобное сопряжение и параллельный анализ видятся методологически новыми и могущими дать теоретически значимые результаты.

В связи с этим необходимо отметить, что на метаморфозы научной дипломатии наряду с объективными тенденциями в области развития сектора НИР, а также с внешнеполитической конъюнктурой также оказывали значимое влияние институциональный и личностный факторы. Так, почти за тридцать лет новейшей истории России успели сменить друг друга шесть ведомств, ответственных за разработку и реализацию научно-политических мер: Министерство науки, высшей школы и технической политики (1991—1993), Министерство науки и технической политики (1993—1996), Министерство науки и технологий (1997—2000), Министерство промышленности, науки и технологий (2000—2004), Министерство образования и науки (2004—2018), Министерство науки и высшего образования (2018 — настоящее время). Данные аппаратные перестановки и перераспределение сфер ответственности не могли не повлиять на восприятие выбранной тематики лицами, принимающими решения. То же можно сказать и о деятельности при Президенте Советов по науке и высоким технологиям (2001—2004), науке, технологиям и образованию (2004—2012), науке и образованию (2012 — настоящее время).

Что касается отдельных личностей, причастных к разработке анализируемых доктрин, то их круг, разумеется, еще шире, и это потенциально могло обусловить изменения политического курса. Следовательно, здесь уместно говорить о сравнительно меньшей преемственности по сравнению с внешнеполитическим ведомством, последовательно работавшим с момента своего создания при смене всего четырех министров, включая действующего. Тот факт, что наука и смежные сферы выступают объек-

том перманентных реформ, безусловно, отразился и на концептуальных основах научной дипломатии. Тем не менее в рамках настоящей статьи мы намеренно начинаем исследование с макроуровня, то есть анализа уже утвержденных документов. Изучение процесса их разработки («внутренней кухни») — уже следующий этап.

С учетом обозначенных ограничений аналитическая процедура сводится к дискретному отслеживанию изменений в двух наборах источников, а именно: научно-политических и внешнеполитических доктринах. При их сопоставлении и последующем «встраивании» в реальный исторический контекст внутренние факторы на текущем этапе намеренно оставлены за кадром. Единственным исключением является фигура Е. М. Примакова, стоящая особняком в силу того, что, будучи выходцем из академической среды, на рассматриваемом отрезке времени он возглавлял Министерство иностранных дел (1996—1998) и Правительство РФ (1998—1999), а впоследствии бы неизменным членом вышеперечисленных Советов при Президенте.

3. Делиберализация и политизация 1996 — первой половины 2000-х годов

Первый программный документ Российской Федерации в области научной политики «Доктрина развития российской науки» [Доктрина, 1996], с точки зрения МНТС, носил в сущности протекционистский характер. Несмотря на то, что в постулирующей части расширение сотрудничества и кооперации государств в решении глобальных проблем, а также объединение усилий ученых и инженеров развитых стран выделяются в качестве новых тенденций развития мирового сообщества, далее подчеркивается, что последние не означают исчезновения национальных интересов, в том числе в сфере науки. Напротив, опора на национальный научный потенциал, который, по мнению составителей доктрины, будет определять место страны в мировом сообществе, перспективы в конкурентной борьбе на внешнем рынке, возможности в решении ее внутренних проблем, уже в нормативном разделе фигурирует в качестве первого пункта и принципа государственной научной политики. Среди других приоритетов значатся защита прав интеллектуальной собственности исследователей, организаций и государства, а также защита прав и интересов российских ученых за рубежом. Наряду с этим в тексте говорится об определяющей роли науки в обеспечении национальной безопасности страны, при том что во многом благодаря первой Россия может позиционировать себя как великая мировая держава. Такой по сути реалистский нарратив местами сдвигается элементами либералистской парадигмы, в частности, декларацией

свободы научного творчества, последовательной демократизации научной сферы, открытости и гласности при формировании и реализации научной политики и стимулирования развития фундаментальных научных исследований (именно к фундаментальной науке в основном относится триада «свобода—открытость—гласность», гораздо реже применяемая в отношении прикладных исследований) как политико-определяющих ориентиров.

С точки зрения управления наукой и в особенности ее финансирования в разрезе МНТС, заявляется о необходимости создания благоприятных условий для привлечения инвестиций международных организаций (наряду с другими — в отсутствии уточнения — судя по всему, национальными источниками: промышленными предприятиями, банками, частными лицами), а также участия российских ученых в международных проектах и, наконец, введения таможенных льгот для стимулирования и поддержки научной деятельности. Иными словами, если исходить из формулировок, предполагалось привлечение из-за рубежа материальных ресурсов (но не человеческих), при одновременном «десантировании» туда российских ученых, которым гарантировалась поддержка (на практике, как все прекрасно понимали, скорее моральная, нежели консульская и тем более материальная). Такое соотношение входящей и исходящей научной дипломатии свидетельствует о приверженности авторов документа скорее реалистской, чем либералистской парадигме. Заданный таким образом вектор во многом определил траекторию научной дипломатии России в последующие годы.

Принятый в том же 1996 году Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [ФЗ, 1996] в ст. 16, посвященной МНТС, был более нейтральным по риторике. Он закреплял возможность вступления субъектов научной и научно-технической деятельности в международные организации и объединения, их участия в профильных интернациональных проектах и т. п., — иными словами, постулировал свободу международных контактов членов научного сообщества. Вторая свобода — возможность создания на территории страны научных организаций и центров с участием иностранных физических и юридических лиц. Третья — привлечение инвестиций в соответствующий сектор. При этом с позиций управления законодатель возложил на уполномоченные органы государственной власти функции исключительно создания условий для расширения трансграничных контактов, с одной стороны, и контроля лишь над передачей результатов НИР, равно как и экспортом научной и научно-технической продукции, с другой стороны. В то же время определение основных направлений (как функциональных, так и территориальных) внешних связей и международной деятельности

научного сообщества не было отнесено к задачам лиц, принимающих решения в области государственной научной политики. Соответственно, во всем, что касалось организации международно-ориентированной научной деятельности до получения осязаемых результатов, их последующего использования и движения, государство рассматривало научное сообщество как партнера, а не как объект регулирования. Вместе с тем указывалась необходимость расширения и углубления научно-технического взаимодействия с бывшими советскими республиками, в частности в рамках СНГ, с учетом унаследованной от СССР инфраструктуры и потенциала.

В следующем документе 1998 года — «Концепции реформирования российской науки на период 1998—2000 годов» [Концепция, 1998] — посыл общего раздела фактически сводился к тому, насколько сильно пострадала наука и научное сообщество от развала СССР и какие беспрецедентные по масштабу потери понесли занятые в этой области. В качестве единственной позитивной тенденции выделялась возросшая открытость и демократизация, исчезновение идеологических ограничений и жесткого административного контроля, а также более активное участие российских ученых и научных организаций в международных программах и проектах. При этом в разделе МНТС уже напрямую говорилось об императиве государственного регулирования и реформирования, пусть и с учетом интересов научного сообщества, обеспечения свободы выбора его участниками партнеров, направлений и форм кооперации, общения с зарубежными коллегами и т. п. Таким образом, государство наделяло себя управляющей функцией и постепенно отходило от партнерских отношений с научным сообществом, выступая уже в роли если не руководителя его внешней деятельности, то во всяком случае координатора.

В подобном формате оно уже непосредственно указывало на необходимость диверсификации международных связей и особенно развития сотрудничества с новыми индустриальными странами при сохранении СНГ в виде неизменного геостратегического приоритета. Еще одна принципиальная новелла — категорический отказ от позиционирования отечественного научного сообщества как реципиента гуманитарных программ международной помощи в пользу взаимовыгодных отношений с иностранными контрагентами, подразумевающих реализацию исследовательских проектов в том числе на базе использования уникальных российских научных установок. В целом такую тональность допустимо трактовать в ключе возвращения российской науке ее былого величия усилиями единственного агента (без самоорганизации научного сообщества и тем более без помощи ему из-за рубежа), которым выступает государство. Именно по такой эта-

тистской колее предполагалось вхождение российского научно-исследовательского комплекса в XXI век.

Сопоставляя эти заключения с историческим и внешнеполитическим контекстом, следует обратить внимание на то, что 1996 год можно в известной степени считать поворотным в новейшей российской истории. С точки зрения внутривнутриполитической конъюнктуры, показательно, что Доктрина развития российской науки была утверждена Б. Н. Ельциным всего за три дня до первого тура президентских выборов, при том что ранее такого рода документы не принимались.

С другой стороны, в начале того же года МИД возглавил Е. М. Примаков, после чего начался процесс пересмотра базовых принципов отечественной внешней политики и дипломатии в ключе ее большей самостоятельности, многовекторности, возвращения к великодержавным традициям. Данная смена парадигмы, иногда обозначаемая как «доктрина Примакова» [Лавров, 2014], получила развитие уже в период его премьерства с сентября 1998 года по май 1999 года (знаменитый «разворот над Атлантикой» и другие шаги). Тем не менее «доктриной» в прямом смысле слова ее можно назвать лишь условно в силу отсутствия какого бы то ни было документально отражения: вплоть до 2000 года единственным политико-определяющим документом в области внешних сношений оставалась Концепция внешней политики 1993 года [КВП, 1993], либеральная по своему смыслу и содержанию. Составленная в период, когда главным международно-политическим ориентиром России виделось сближение со странами Запада, она делала упор на научно-техническом обмене с ними как собственно одном из путей такого сближения. Другой важной задачей авторам Концепции представлялось подключение страны к наиболее значимым программам научно-технического сотрудничества: «Эврика», «Всемирная лаборатория», Международный научно-технический центр, Международный экспериментальный термоядерный реактор и др. — другими словами, многосторонним научно-дипломатическим форматам. Вместе с тем национальные интересы, а также первостепенная роль государства в соответствующих процессах, судя по тексту, не относились к числу основополагающих ценностных установок. В свою очередь, политика Примакова, равно как и его преемника на посту министра иностранных дел (1998—2004) И. С. Иванова, подразумевала некоторый «ренессанс геополитики» [Кортунов, 2014], точнее, его первую волну (вторая — начиная с 2014 года), при котором основная роль в международных процессах, включая научную дипломатию, отводилась государству.

Систематизация, детализация и закрепление этих принципов нашли отражение в Концепции внешней политики России 2000 года [КВП, 2000],

а также в Концепции государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества того же года [Концепция МНТС, 2000].

4. Вторая половина 2000-х — 2016 годы: модернизация и экономизация

На протяжении первого президентского срока В. В. Путина новые стратегические документы в области научной политики не принимались, что косвенно позволяет судить как о концептуальной достаточности уже имевшихся на тот момент, так и, вероятно, о наличии у руководства страны других приоритетов. Очередной вехой стало утверждение в 2006 году Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года» [Стратегия, 2006], в которой, как и в рассмотренных выше нормативных актах, затрагивались отдельные аспекты МНТС. В постулирующей части главной проблемой в изучаемой области называлась «утечка мозгов» вследствие низкой оплаты труда занятых в сфере науки и научного обслуживания. При этом указывалось, что для остановки процесса массовой миграции ученых требуется повышение их средней заработной платы в 3—4 раза. Ввиду нереалистичности подобной динамики далее — в нормативной части — вопрос уже не поднимался, а конкретные меры, направленные на возможное решение указанной проблемы, не формулировались. Иными словами, создается впечатление, будто бы авторы документа констатировали: отечественные научные кадры массово уезжают из страны, но сделать мы с этим ничего не можем, поэтому даже не будем пытаться — денег все равно не хватит. Даже если отбросить столь резкую интерпретацию содержания документа, классическое «что делать?» в отношении «утечки мозгов» повисает в воздухе.

С другой стороны, Стратегии 2006 года присуща последовательность в приоритетном утверждении СНГ как основного направления развития международных научных связей России при одновременном указании ранее не фигурировавших других форматов и партнеров, а именно: «Большой восьмерки» (Эвианский План действий «Наука и техника в целях развития», принятый на саммите группы в 2003 году) и Европейского союза (формирование концепции общего пространства науки и образования Россия—ЕС). Такое расширение географии и стремление к углублению сотрудничества с ведущими западными и, в частности, европейскими державами проходило в русле общей внешней политики того периода и соответствовало благоприятной конъюнктуре.

Еще одним нововведением видится идея инновационного совместного финансирования передовых научных исследований путем формирования «треугольника международного сотрудничества»: зарубежные доноры — Минобрнауки России — российские доноры. Впрочем, то, что именно должен собой представлять данный механизм и как он может работать, в очередной раз не уточнялось. В целом следует отметить, что, несмотря на значительный по сравнению с предыдущими документами объем, длительный процесс разработки и согласования, предшествующий утверждению, «Стратегия» представляется наименее конкретной — во всяком случае, в формулировке целей, задач и направлений МНТС России. Подобная размытость также не позволяет соотнести ее с какой бы то ни было концепцией или парадигмой политики и государственного управления.

В качестве следующего документа, который имеет смысл рассмотреть в контексте эволюции идейных основ российской научной дипломатии новейшего периода, выступает принятая в 2008 году «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Концепция, 2008]. В пятом разделе названного нормативно-правового акта, посвященном повышению национальной конкурентоспособности, первым пунктом значится развитие науки, национальной инновационной системы и технологий. При по-прежнему недостаточной, с нашей точки зрения, детализации в тексте делается упор на дальнейшую интеграцию России в международное научное пространство и экспансивный выход на мировую арену. В частности, речь идет уже не только об экспорте результатов исследовательской деятельности и высокотехнологичных разработок, но и о приобретении зарубежных активов, то есть средств производства научной продукции. Наряду с этим приоритетом выступает стимулирование обменов в области университетской науки как в плане стажировок российских профессоров, преподавателей и студентов за рубежом, так и в привлечении ученых с мировым именем для преподавания в ведущих отечественных вузах. Более того, впервые появляется упоминание о работе с диаспорой, занятой в секторе НИР, определяемой как вовлечение российских ученых, уехавших за рубеж, в развитие российской науки и технологий, в том числе путем их участия на платной основе в российских научных проектах и преподавательской деятельности. В совокупности такой нарратив уместно трактовать в ключе смещения акцентов с политических на экономические.

В целом такая линия коррелирует с положениями Концепций внешней политики 2008 [КВП, 2008] и 2013 годов [КВП, 2013], в которых упор делается на развитии гуманитарного сотрудничества, активизации работы с соот-

еественниками, проживающими за рубежом, а также широким использованием инструментария «мягкой силы». Институциональной опорой в этом отношении виделось учрежденное в 2008 году Россотрудничество с его зарубежными представительствами — российскими центрами науки и культуры.

Данная идея нашла продолжение и более исчерпывающее изложение в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», в частности разделе X («Участие в мировой инновационной системе») [Стратегия, 2011]. Принципиально новые положения в указанном тексте не вводятся, однако его анализ позволяет говорить об имплицитном (де-факто) применении категорий «экономическая дипломатия» и «научная дипломатия», равно как и об их сопряженности. Активизация международного научно-технического сотрудничества ставится на основу экономической эффективности мер, имплементируемых государством как основным проводником научной политики. Подтверждением этому может служить указание торговых представительств как агентов, уполномоченных наряду с реализацией своих основных функций участвовать в найме за рубежом кадров для сектора НИР, а также координировать соответствующие процессы. В общем, исходя из риторики документа напрашивается вывод об экономизации отечественного МНТС и научной дипломатии, что укладывается в русло тенденций, наблюдаемых в наиболее развитых в научно-технологическом отношении странах [Райнхардт, 2017; Шакиров и др., 2020].

Наконец, главная в настоящем контексте и хронологически последняя, принятая в 2016 году, «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [Стратегия, 2016] впервые эксплицитно (*ad litteram*) вводит понятие научной дипломатии как разновидности публичной дипломатии. При этом во главу угла вновь, как и в Доктрине 1996 года, ставятся национальные интересы России, а отношения между государственными ведомствами и наукой фактически видятся как отношения между заказчиком и исполнителем. Иначе говоря, государство опять берет на себя роль патрона, в то время как международные контакты и связи представителей научного сообщества вписываются в общую стратегию реализации внешней политики и дипломатии как одного из функциональных выражений последней. Такой возврат к государственнической и реалистской идеологии, по всей видимости, был предопределен возрастанием международной напряженности после событий на Ближнем Востоке и на Украине (2014), приведшим к конфронтации России со странами Запада. В сложившихся условиях представляется закономерным стремление государства консолидировать интересы внутренних акторов, включая научное сообщество, и подчинить их деятельность единому внешнеполитическому императиву,

в том числе в части широкой коалиционной борьбы с международным терроризмом. Таким образом, послы «Стратегии» 2016 года полностью резонируют с духом и буквой Концепции внешней политики, утвержденной Президентом 30.11.2016 [КВП, 2016].

5. Выводы

По итогам анализа целесообразно сделать ряд заключений. Во-первых, с точки зрения периодизации уместно выделить два этапа генезиса концептуальных основ российской научной дипломатии — с 1996 года по середину 2000-х годов (I этап) и далее до 2016 года (II этап). Провести четкую хронологическую границу между ними (например, 2006 или 2008 годы) затруднительно в силу того, что переход от одной политики к другой происходил относительно плавно, при том что отдельные элементы первой не противоречили второй и даже сочетались с ней. Также следует отметить, что выбранные реперные точки указывают лишь на результат в виде принятия (утверждения) соответствующих концепций, которому предшествовали длительные процессы разработки и согласования. Таким образом, имеет место временной лаг между изменением смысловой территории и корректировкой соответствующей карты. Подобное запаздывание неизбежно и представляется неотъемлемой частью политического процесса, сводящегося к реагированию на объективные тренды и изменения реальности.

Вместе с тем нижняя и верхняя границы хронологических рамок видятся вполне репрезентативными. С 1996 годом можно связать фактическое зарождение научной дипломатии как практического концепта, что было обусловлено целым рядом внутренних и внешних факторов. В первую очередь, это выборы президента и второй срок Б. Н. Ельцина, смена дипломатического курса и де-факто внешнеполитической доктрины. Более того (и это уместно обозначить в качестве второго вывода), подобное зарождение допустимо связать с личностью Е. М. Примакова. После того, как бывший заместитель директора ИМЭМО (1970—1977), директор Института Востоковедения (1977—1985), затем директор ИМЭМО (1985—1989) АН СССР возглавил Министерство иностранных дел, научной дипломатии в современном ее понимании стало уделяться пристальное внимание. Принцип, сводящийся к примату государства в рамках процессов МНТС, во многом также обуславливался опытом работы Примакова на посту директора Службы внешней разведки (1991—1996). Идейная основа, ставящая во главу угла прагматизм, многовекторность, защиту национальных интересов и соответствующая реалистской парадигме международных отношений, была заложена именно на первом этапе. Думается, что

с известным допущением Е. М. Примакова можно условно назвать одним из основоположников новейшей российской научной дипломатии.

В-третьих, в зависимости от текущего состояния дел на международной арене, по всей видимости, меняются политико-определяющие факторы в области МНТС. Так, если на первом этапе научная дипломатия формировалась преимущественно под воздействием политических факторов, на втором большую роль стали играть факторы экономические. В то же время данный процесс допустимо охарактеризовать как циклический: в Стратегии научно-технологического развития России 2016 года и Концепции внешней политики того же года (синхронность их принятия, так же, как и в случае с приходом Примакова в МИД и принятием Доктрины развития российской науки, видится неслучайной) на первый план вновь выходят национальные интересы и внешнеполитические в большей степени, чем внешнеэкономические ориентиры. Именно это позволяет говорить о наступлении после 2016 года следующего этапа концептуального развития научной дипломатии.

Источники и принятые сокращения

1. Доктрина, 1996 — *О доктрине* развития российской науки : Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 884 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97413/.

2. КВП, 1993 — *Концепция* внешней политики Российской Федерации — Утверждена Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным 23.04.1993 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://uchebnik-online.com/131/1174.html>.

3. КВП, 2000 — *Концепция* внешней политики Российской Федерации — Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28.06.2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=27822&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.6474498570609946#043228044105300056>.

4. КВП, 2008 — *Концепция* внешней политики Российской Федерации — Утверждена Президентом Российской Федерации Д. М. Медведевым 15.07.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://kremlin.ru/acts/news/785>.

5. КВП, 2013 — *Концепция* внешней политики Российской Федерации — Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12.02.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186.

6. КВП, 2016 — *Концепция* внешней политики Российской Федерации — Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30.11.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

7. Концепция, 1998 — *О Концепции* реформирования российской науки на период 1998—2000 годов» : Постановление Правительства РФ от 18.05.1998 № 453 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=254728#0>.

8. Концепция, 2008 — *О Концепции* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/.

9. Концепция, МНТС 2000 — *Концепция* государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества — Одобрена Правительством Российской Федерации 20.01.2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkVB6Z29/content/id/589776.

10. Концепция МНТС, 2019 — *Концепция* международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации — Одобрена Правительством Российской Федерации 08.02.2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf>.

11. Стратегия, 2006 — *Стратегия* развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике, протокол от 15.02.2006 № 1) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/.

12. Стратегия, 2011 — *Об утверждении* Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/.

13. Стратегия, 2016 — *О стратегии* научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://snt-rf.ru/>.

14. ФЗ, 1996 — *О науке* и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кортунов С. В.* Блеск и нищета геополитики [Электронный ресурс] / С. В. Кортунов // Россия в глобальной политике. 16.01.2015. — Режим доступа : <https://globalaffairs.ru/global-processes/Blesk-i-nischeta-geopolitiki-17256>.

2. *Лавров С. В.* В недалеком будущем историки сформулируют такое понятие, как «доктрина Примакова» [Электронный ресурс] / С. В. Лавров // ТАСС — 28.10.2014. — Режим доступа : <https://tass.ru/politika/1537769>.

3. *Панченко В. Я.* Ученый как дипломат : наука влияет на решение международных конфликтов и проблем [Электронный ресурс] / В. Я. Панченко, А. В. Торкунов // Российская газета — 26.06.2017. — Режим доступа : <https://rg.ru/2017/06/26/kak-nauchnoe-sotrudnichestvo-pomogaet-resheniiu-mezhdunarodnyh-problem.html>.

4. *Райнхардт Р. О.* Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии / Р. О. Райнхардт // Обозреватель-Observer. — 2019. — № 5. — С. 58—72.

5. *Райнхардт Р. О.* Экономизация дипломатической службы и научной дипломатии развитых стран : опыт Франции / Р. О. Райнхардт // Международные процессы. — 2017. — № 2. — С. 168—177.

6. *Шакиров О. И.* Реформы дипломатических ведомств на фоне новых внешнеполитических вызовов / О. И. Шакиров, Д. Б. Соловьёв ; под ред. М. Комина ; Центр перспективных управленческих решений. — Москва : ЦПУР, 2020. — 148 с.

7. *Ruffini P.-B. Science and Diplomacy : A New Dimension of International Relations / P.-B. Ruffini. — Cham : Springer, 2017. — 132 p.*

EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN SCIENTIFIC DIPLOMACY 1996—2016¹

© **Roman O. Reinhardt** (2020), orcid.org/0000-0002-0890-8844, PhD in Economics, associate professor, Department of Diplomacy, Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” (Moscow, Russia), don.reinhardt@mail.ru.

The process of changing the conceptual foundations of Russian scientific diplomacy as an instrument of foreign policy and one of the forms of international scientific and technical cooperation over a twenty-year time span, the chronological boundaries of which are determined by the adoption of key strategic documents in this area, is examined. Based on the analysis of the regulatory framework, a sample of doctrinal sources related to the international aspects of the state scientific policy has been compiled. Through their analysis and parallel comparison with the Foreign Policy Concepts of the Russian Federation of 1993, 2000, 2008, 2013 and 2016, key transformations of the perception and vision of scientific diplomacy by decision-makers in the field are identified. Based on the results of the systematization of guidelines and value orientations reflected in the relevant political and determining documents, the periodization of the formation of scientific diplomacy was carried out with the identification of two stages. The first (1996 - mid-2000s) is characterized by a transition from a liberal paradigm to a realistic one, a certain politicization, and national interests at the forefront. The second stage (mid-2000s - 2016) is characterized by a reorientation to the economic dimension of international scientific and technical cooperation with a clear formation of scientific diplomacy as a concept in its modern form. It is shown that this evolution proceeded relatively smoothly in line with the objective changes in the international situation, Russia's position on the world stage, as well as adjustments to its foreign policy. Along with this, the role of E. M. Primakov as one of the ideological founders of modern Russian scientific diplomacy was identified and outlined.

Key words: scientific diplomacy; science policy; the concept of Russian foreign policy; international scientific and technical cooperation; E. M. Primakov.

MATERIAL RESOURCES

- Doktrina, 1996 — *O doktrine razvitiya rossiyskoy nauki: Ukaz Prezidenta RF ot 13.06.1996 № 884*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97413/. (In Russ.).
- FZ 1996 — *O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tehnicheskoy politike: Federalnyy zakon ot 23.08.1996 № 127-FZ*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/. (In Russ.).
- Kontseptsiya, 1998 — *O Kontseptsii reformirovaniya rossiyskoy nauki na period 1998—2000 godov: Postanovleniye Pravitelstva RF ot 18.05.1998 № 453*. Available at:

1 This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 18-78-10123.

- <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=254728#0>. (In Russ.).
- Kontseptsiya, 2008 — *O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda: Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 17.11.2008 № 1662-r*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/. (In Russ.).
- Kontseptsiya MNTS, 2019 — *Kontseptsiya mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii — Odobrena Pravitelstvom Rossiyskoy Federatsii 08.02.2019*. Available at: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aab5de45b3a58103046d70eabef2.pdf>. (In Russ.).
- Kontseptsiya MNTS, 2000 — *Kontseptsiya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva — Odobrena Pravitelstvom Rossiyskoy Federatsii 20.01.2000*. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk-B6BZ29/content/id/589776. (In Russ.).
- KVP, 1993 — *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii — Utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii B. N. Eltsinym 23.04.1993*. Available at: <http://uchebnik-online.com/131/1174.html>. (In Russ.).
- KVP, 2000 — *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii — Utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinyim 28.06.2000*. Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=27822&fld=134&dst=100000001_0&rnd=0.6474498570609946#043228044105300056. (In Russ.).
- KVP, 2008 — *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii — Utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii D. M. Medvedevym 15.07.2008*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/785>. (In Russ.).
- KVP, 2013 — *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii — Utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinyim 12.02.2013*. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk-B6BZ29/content/id/122186. (In Russ.).
- KVP, 2016 — *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii — Utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinyim 30.11.2016*. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. (In Russ.).
- Strategiya, 2006 — *Strategiya razvitiya nauki i innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii na period do 2015 goda (utv. Mezhdvdomstvennoy komissiyey po nauchno-innovatsionnoy politike (protokol ot 15.02.2006 № 1)*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/. (In Russ.).
- Strategiya, 2011 — *Obutverzhdennii Strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda: Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 08.12.2011 № 2227-r*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/. (In Russ.).
- Strategiya, 2016 — *O strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642*. Available at: <http://sntr-rf.ru/>. (In Russ.).

REFERENCES

- Kortunov, S. V. (2015). Blesk i nishcheta geopolitiki. *Rossiya v globalnoy politike* — 16.01.2015. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Blesk-i-nischeta-geopolitiki-17256>. (In Russ.).
- Lavrov, S. V. (2014). *V nedalekom budushchem istoriki sformuliruyut takoye ponyatiye, kak «doktrina Primakova»*. TASS — 28.10.2014. Available at: <https://tass.ru/politika/1537769>. (In Russ.).
- Panchenko, V. Ya., Torkunov, A. V. (2017). *Uchenyy kak diplomat: nauka vliyayet na resheniye mezhdunarodnykh konfliktov i problem*. Rossiyskaya gazeta — 26.06.2017. Available at: <https://rg.ru/2017/06/26/kak-nauchnoe-sotrudnichestvo-pomogaet-resheniiu-mezhdunarodnyh-problem.html>. (In Russ.).
- Raynkhart, R. O. (2017). Ekonomizatsiya diplomaticheskoy sluzhby i nauchnoy diplomatii razvitykh stran: opyt Frantsii. *Mezhdunarodnyye protsessy*, 2: 168—177. (In Russ.).
- Raynkhart, R. O. (2019). *Nauka o diplomatii, dlya diplomatii, v diplomatii*. *Obozrevatel'-Observer*, 5: 58—72. (In Russ.).
- Ruffini, P.-B. (2017). *Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations*. Cham: Springer.
- Shakirov, O. I., Solovyev, D. B. (2020). *Reformy diplomaticheskikh vedomstv na fone novykh vneshnepoliticheskikh vyzovov*. Moskva: TsPUR. (In Russ.).